

15 марта 2005 г., С-Петербург, ЦСР "Северо-Запад"

**Семинар «Пространственная организация городских агломераций в створе транспортного коридора Москва - Санкт-Петербург: основные процессы, функции территорий, опорный каркас»**

**Стенограмма итоговой дискуссии**

**Слуцкий Евгений Георгиевич, Руководитель отдела социально-экономического анализа и прогнозирования "Центра "Северо-Запад", Институт проблем региональной экономики РАН:**

Я хотел бы внести предложение, которое, может быть, было бы интересно рассмотреть Центру стратегических разработок. Необходимо положить на состояние национальной экономики и на отраслевой подход пространственную структуру страны. Я анализировал 11 основных отраслей мировой экономики, которые двигают экономику в Европе, в Америке, в Азии, и каково наше место в этих отраслях; где мы можем продвинуться, а где не можем. Такую же работу делали европейцы. Если отраслевую структуру экономики положить на пространственную структуру страны, возникает много вопросов. Что у нас будет развиваться, и будет ли развиваться вообще? Потому что на совместном предприятии, которое мы можем построить (например, в Ленинградской агломерации совместно с финнами, норвежцами, шведами, датчанами, по сборке, например, автомобилей), и на обслуживании сырьевых баз, которые есть в северных районах, потребуется малое количество рабочей силы, и то вахтенным методом. Поэтому без соединения отраслевого и пространственного подходов нам дальше не двинуться. Объединение субъектов федерации – это политическая воля, потому что так легче управлять страной. Но пространственную организацию экономики было бы интересно посмотреть.

**Ютанов Николай Юрьевич, представитель группы «Конструирование будущего»:**

Я хочу показать здесь две вещи. Первая – это направленность развития агломераций, про которые говорил Артем Желтов: в настоящий момент существует одна граница, которая достаточно сложна, и не ясно, каким образом она будет реализована. Это контуры языка, т.е. в поле какого языка будет формироваться эта агломерация. Как говорил Сергей Иванович Кургинян: «Если ты не работаешь на свой проект, непременно образом работаешь на чужой». Тем самым, если мы начинаем конгломерировать Ленинградскую область в рамках проекта «Европалитра», о котором вскользь упоминал Владимир Николаевич Княгинин, совместно кооперироваться в зону Европы, то какой язык этой конгломерации будет являться управляющим в этом проекте? Английский, немецкий, французский, или русский? Я не ставлю перед собой цели кого-то запугать. Я ставлю границу, условие. Формально говоря, мы, так или иначе, должны иметь в виду одну единственную вещь: что мы входим в зону чьего-то проекта, чьей-то стандартизации. Этот момент я прошу вас иметь в виду в процессе обсуждения подобных направлений движения. Москва остается в контуре русского языка, а Санкт-Петербург как культурная столица оказывается в зоне действия языка иного. Если только Русский Мир не в состоянии предложить свой проект конгломерации, выстроив его в контурах русского языка.

Вторая точка, которую я хочу отметить. Вернувшись назад, я обратил внимание в докладе Артема Желтова на уровень городов, включенных в исследование наших коллег из какой-то далекой англоязычной страны. Я имею в виду, что Москва, вроде бы находится на пути к крупному городу, а Санкт-Петербург в списке не фигурирует, за отсутствием

необходимости. Грандиозная территория находится либо в архаичной, незаселенной зоне, либо в традиционной, с совсем другим менталитетом. Можно предположить, что формирование некоего другого ментального поля, которое в настоящий момент происходит по всему миру, связано отчасти и с крупными городами, мегалополисами. И, наверное, для его создания требуется некоторая критическая масса. Может быть, эта позиция немножко чудная, сразу обращаю на это внимание, но это просто соображения, они означают только то, что? не имея достаточной человеческой, социально-культурной, ментальной массы, город не может сгенерировать следующий ход развития, как самого себя, так и той территории, той страны, того языка, которые он представляет. Возможно, что именно миф о конгломерации Санкт-Петербург-Москва является следствием того, что два города, объединенные контуром одного языка могут сделать следующий ход: постиндустриальный, не неоиндустриальный, не неофеодальный, а именно постиндустриальный ход развития. На этом можно построить миф связки между этими городами.

Что касается тонких линий, связывающих эти два великих города, то транспортное поле зоны индустрии является теми каналами, через которые притекает кровь экономики, но связность сейчас строится в информационном поле и не принципиально, как она будет выстроена. Вопрос, как будет выстроена оболочка управления этими мегаполисами.

### **Бозе Эдуард Юрьевич, эксперт Фонда ЦСР «Северо-Запад»:**

Сложилось такое впечатление, что мы не очень четко изначально зафиксировали термины «мегаполис», «мегалополис», «агломерация», и из-за этого устроили много шатаний в сторону. По-моему, есть смысл зафиксировать, о каком проекте мы говорим. Если мы говорим о мегалополисе, мы должны четко понимать, что это такое. Ясно, что Москва–Санкт-Петербург - не агломерация, и каждый из них является отдельным мегаполисом, но это не отрицает их статус центров агломераций, не отрицает возможность формирования мегалополисов, которые представляют собой сшитую вместе, завязанную всевозможными функциональными связями, единую урбанизированную среду. То, что в России они получились разнесенными на 700 километров... Россия большая страна, и такой феномен возможен. Поэтому этот проект, на мой взгляд, весьма актуальный и жизнеспособный, потому что все-таки Москва и Санкт-Петербург имеют очень разные функции. Это связано со структурой городов, с тем, что они отличаются друг от друга. Это связано с их экономическим и географическим положением.

Я не согласен с Валерием Владиславовичем Арабкиным, который говорил, что Петербург на себя стягивает функции распределяющего центра, дополняя свои функции логистики. Это не совсем так, потому что из Петербурга не так удобно распределять товар, как из Москвы. Логистику строить удобно из Петербурга. Потоки нефти, алюминия и т.п. распределяются в Петербурге, но финансируются и управляются из Москвы. Эти две принципиально разные функции разнесены, города дополняют друг друга. Если они начинают более тесно и интенсивно взаимодействовать, эффективность работы становится гораздо выше. В этом эффект синергии. Поэтому на вопросы по поводу того, нужны ли скоростные магистрали, и почему именно между Петербургом и Москвой, на мой взгляд, ответ очевиден. Этот экономический проект эффективен в очень долгосрочной перспективе. Этот проект даст определенный импульс синергии.

Почему два этих центра? Почему акцент делается на Москву и Петербург, на этот угол? Потому что фактически это угол страны, если взглянуть на карту. Дело в том, что экономика у нас теперь все-таки рыночная, и рынок движет все. Рынок Москвы и Санкт-Петербурга – это не 10, 15 или 20% РФ, потому что рынок считается не в человеках, а в деньгах. Кроме того, этот рынок самый продвинутый с точки зрения технологии, потому что технологии управления потоками, управления финансами, управления информацией,

управления в принципе, которые применяются в Москве и Санкт-Петербурге, для России являются передовыми. В других регионах эти технологии сейчас почти отсутствуют. Они туда движутся, экспортируются из Петербурга и Москвы. Именно поэтому Москва является основным управляющим центром, а Петербург является дублером. Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, судя по всему, являются дублерами второго порядка.

**Житин Дмитрий Викторович, заместитель начальника управления по делам миграции ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области:**

Я благодарен, что меня пригласили принять участие в этом семинаре. Сразу оговорюсь, что вопросы развития городских агломераций не являются объектом моих повседневных интеллектуальных усилий, поэтому мои знания по этому предмету несколько ограничены. Я хотел бы здесь поставить вопрос вот в какой плоскости. Когда мы говорим о развитии Петербурга, Москвы, Ленинградской и Московской агломераций, надо выбирать, является ли развитие Москвы и Петербурга паритетным, скоординированы они между собой или не скоординированы, или речь идет о развитии территории между Москвой и Петербургом. Дело в том, что выбор можно было бы не делать, если бы мы не были лимитированы в ресурсах, и прежде всего, в человеческих, в человеческом капитале. У нас же всю историю развития Москвы и Санкт-Петербурга наблюдался процесс, когда эти два крупнейших города страны стягивали население на себя, как гигантский пылесос. Пока у нас был достаточно высокий уровень прироста населения, это не очень замечалось. За последние несколько десятилетий, когда мы испытали на себе тот демографический провал, который давно существует во многих европейских странах, этот разрыв в населении, разрыв в человеческом потенциале между двумя столицами и окружающими территориями стал колоссальным. Поэтому сейчас вопрос стоит именно о том, что мы на сегодняшний день в нынешних условиях с расчетным количеством населения планируем делать на удаленную перспективу.

Или мы продолжаем стягивать население в крупнейшие агломерации, способствовать этому, связывая Москву и Санкт-Петербург между собой транспортными коридорами, и превращая страну в сеть городов-колоний, вокруг которых лежат абсолютно безлюдное пространства. Кто отъезжал от любого транспортного коридора, неважно, это дорога Санкт-Петербург–Москва, Санкт-Петербург–Мурманск, или Киевское шоссе, хотя бы на 20 километров в сторону, может вообразить, что представляет собой эта территория. Либо мы занимаемся другой моделью развития: пусть в ущерб Москве и Санкт-Петербургу, но создаем каркас поселений, каркас региональных центров, точек роста, в данном случае транспортный коридор, о котором мы говорим, между Москвой и Санкт-Петербургом. Эта идея не новая. Еще в советский период в Литве была принята система создания региональных центров, чтобы оттянуть приток населения к столице. В Литве это изначально было проще, там было два столицы – Вильнюс и Каунас. Но, тем не менее, там создавались региональные центры, которые не только сняли демографическую нагрузку на столицу, как это часто бывает во многих государствах, но и остановили запустение территорий, поддержали уровень развития социальной, инженерной инфраструктуры на достаточно высоком уровне. Можно говорить, что этот метод не совсем подходит для нас, не те масштабы, не те пространства, но как мне кажется, вопрос является вполне актуальным. Либо мы занимаемся развитием Санкт-Петербурга и Москвы, и все остальное идет вторым планом, подчиняется этой задаче, либо мы планируем развитие территории в рамках этого коридора или на сопредельных площадях.

**Желтов Артем Васильевич, эксперт Фонда ЦСР «Северо-Запад»:**

В качестве замечания к нашей дискуссии, мне бы хотелось напомнить всем нам об одном довольно интересном моменте, о котором мы в дискуссии о транспортной связности и развитии мегалополисов и агломераций забыли. А именно: с переходом мира в позднюю

индустриальную и постиндустриальную стадию развития расстояние перестало быть абсолютной величиной. Расстояние между моим компьютером и компьютером моих коллег в Нью-Йорке составляет примерно 3 секунды, расстояние между нашим офисом и организацией, до которой нам сложно дозвониться, составляет то время, которое потрачено на дозвон, хотя физически оно может составлять всего несколько сот метров. Информационная связность между Санкт-Петербургом и Москвой уже достаточно высока. Информационная связность между Санкт-Петербургом и Европой высока и будет расти; поэтому, говоря о скоординированном развитии Москвы и Санкт-Петербурга и об увеличении транспортной связности, мы всего лишь приводим одну реальность – реальность физического транспорта - в соответствие с уже существующей реальностью, информационной.

**Арабкин Валерий Владиславович, эксперт Фонда ЦСР «Северо-Запад»:**

Я хотел бы зафиксировать еще одну вещь, связанную с пространственным развитием страны в целом, и с развитием проекта, о котором мы говорим. Это даже не программа, а некоторые идеи.

Я хотел бы поговорить о пространственной структуре инвестиций, поскольку пространственное развитие во многом связано с тем, какие инвестиции и куда приходят. Сейчас четко формируются три класса, три направления инвестиций, т.е. характер инвестиций в экономику России типологизируется, расслаивается, как говорит Владимир Николаевич. Первое, это инвестиции в добычу сырья. Понятно, куда они направляются и где пространственно локализуются – это Север, Сибирь, может быть, те месторождения, которые существуют в центральной России; в основном, это точечная локализация инвестиций. Затем появился мощный поток инвестиций в промышленность, эта область сейчас резко капитализируется. Переработка сырья – это металлургия, это химия, это связанное с ними машиностроение. Поток этих инвестиций тоже очень большой и локализуется он тоже понятно где: индустриальная зона – это Урал, Вологда, там, где локализуются центры по переработке сырья и центры тяжелого машиностроения, та самая отрасль, о которой так много говорили большевики. Она сейчас опять стала притягательной для инвестиций. Существует третья область инвестиций, в каком-то плане для меня самая интересная. Это инвестиции в средства производства товаров конечного потребления, которые ориентированы на внутренний рынок, и которые считаются наиболее перспективными и нужными для России. Локализация этого потока инвестиций во многом связана с нашим проектом. Я в свое время породил идеологему инвестиционной волны, утверждая, что эти инвестиции в свое время начались в Московской агломерации, затем по понятным причинам быстро продолжили расти в Питерской агломерации. Они не должны быть жестко привязаны к одному месту, сейчас они начинают расплзаться; идет волновой процесс их распределения по территории России в целом.

Возвращаясь к своей теме, я хотел бы зафиксировать то, что, если мы говорим об инвестиционном процессе, надо рассматривать три типа инвестиций. Может появиться еще и четвертый, пятый тип инвестиций. Можно говорить еще и о транспорте.

**Переслегин Сергей Борисович, представитель группы «Конструирование будущего»:**

Если мы занимаемся проектной или программной деятельностью, нам нужно иметь в виду одну из двух стратегий. Либо мы следуем естественным трендам, тогда у нас есть все основания считать, что что-то у нас получится. Либо мы, напротив, работаем против естественного тренда, тогда мы весьма рискуем, но надо понимать, за что мы рискуем. Что я имею в виду: стягивание населения крупными городами Москвой и Санкт-

Петербургом – естественный тренд, который есть во всем мире. Если мы ему следуем, а с моей точки зрения, проект создания этой двумерной гантели ему следует, то вполне понятно, что и как мы делаем. Если мы пытаемся по этому маршруту создать каркас городов - непонятно, с какой целью, непонятно, для какой деятельности - то мы работаем против тренда. Мы пытаемся реально существующий тренд повернуть назад. Тогда у нас встает вопрос, во имя чего мы так рискуем. Я таких оснований не вижу. Да, действительно, будут огромные пустынные территории. Эти пустынные территории будут заселяться, для того есть, в том числе, неоднократно здесь упоминаемые китайцы. В 2001 году, когда создавался проект ЦСР «Доктрина развития Северо-Запада России» было просчитано, что для заполнения уже существующих пустующих территорий нам необходимо, по меньшей мере, 10 миллионов китайцев. Но с тех пор число могло только вырасти.

**Житин Дмитрий Викторович, заместитель начальника управления по делам миграции ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области:**

Существующие тренды не свалились нам на голову, а во многом являются продуктом наших рук, нашей интеллектуальной деятельности. Если мы будем говорить, что существует такой тренд, и мы ничего не можем с ним поделать, то тогда можно и 10, и 20 миллионов китайцев расселить между Петербургом и Москвой. Я не уверен, что Российское государство от этого выиграет. Если нас эта перспектива не устраивает, значит надо подумать, что можно сделать с трендами, которые ведут к созданию такой ситуации. Говорить об объективных предпосылках, которым нам нечего противопоставить, наверное, проще. По поводу каркаса расселения, я не говорил, что обязательно создавать города по типу аракчеевских поселений между Москвой и Санкт-Петербургом, где люди будут неизвестно чем заниматься. Но когда мы говорим об инвестиционных проектах с участием государства, о том, во что и куда вкладывать средства, то при разработке пространственного размещения этих проектов, стоит подумать и о каркасе расселения. Создание атомной электростанции, неважно где, в Сосновом Бору или в Тверской области - это крупный инвестиционный проект, который влечет за собой создание крупного города, где людям есть, чем заниматься и который воздействует на окружающую территорию. Кроме государства никто не может реализовать такой проект в наших условиях, я имею в виду строительство атомных электростанций. Возможны и другие инвестиционные проекты, которые могут в корне изменить существующую ситуацию.

**Слуцкий Евгений Георгиевич, Руководитель отдела социально-экономического анализа и прогнозирования "Центра "Северо-Запад", Институт проблем региональной экономики РАН:**

Буквально в первом документе по стратегии Северо-Западного округа мы говорили одну важную вещь, которую, как мне кажется, необходимо еще раз озвучить. Без геополитической, геоэкономической доктрины Российской Федерации на долгосрочную перспективу, страна не может создать стратегию социально-экономического развития. Поэтому все наши взгляды остаются прожекторными.

**Княгинин Владимир Николаевич, научный руководитель Фонда ЦСР «Северо-Запад»:**

Попытаюсь подвести некоторые итоги нашего обсуждения.

Первое – то, что зафиксировали многие выступавшие, в первую очередь, градостроители: **городские агломерации Москвы и Санкт-Петербурга не сольются в обычный мегалополис** не так, как сливались города во многих регионах страны, не за счет

процесса урбанизации, не за счет процесса вынесения отдельных видов деятельности за пределы городской черты. В этом смысле мы должны понимать, что процесс формирования гантели или диполи – это не следствие урбанизации, типичной для других территорий.

Второе, что я услышал, и мне кажется, на это нужно реагировать каким-то образом и Москве и Санкт-Петербургу, только не знаю, по отдельности или в режиме информационного обмена: **изменение функций городов приводит к трансформации внутренней организации городского пространства**. Как ни парадоксально, все это знают, все это учитывают, есть работы, на которые мы сегодня ссылались; надо учитывать, что реагирование на такие масштабные глобальные процессы вне сил и вне возможностей отдельного города, как минимум, а реально - вне сил градостроителей отдельного города. Это очевидно. В Москве стоило бы выделить процессы, на которые нам стоит реагировать.

Третье, что было зафиксировано общими усилиями представителями Института географии, и на это обращал внимание Дмитрий Викторович Житин: **когда мы говорим «Москва – Санкт-Петербург», у нас автоматически проваливается все пространство между городами, а в действительности, это не по-хозяйски**. Но не все так печально, не вся жизнь развалилась на этих территориях, и там есть центр роста, как и на всяком другом пространстве. Во-вторых, понятно, что **капитализация активов Москвы и Санкт-Петербурга во многом зависит от того, в какую карту помещаются эти активы, и как было обустроено то пространство, где они помещены**. Если в пределах города мы точно знаем, что обустройство набережной автоматически повлечет увеличение стоимости недвижимости, расположенной вдоль этой набережной, если мы точно знаем, что прокладывание дороги к тому или иному району города автоматически повышает стоимость земли, то когда начинаем рассматривать проекты чуть большего уровня, планку капитализации активов мы почему-то не удерживаем. Очевидно, что капитализация Москвы и Санкт-Петербурга зависит не только от тех глобальных функций, которыми они нагружаются, и от того пространства, в которое они помещены. Мы сегодня обсуждали в кулуарах, что пространство выглядит запущенным и отвратительным, некоторые виды деятельности ни в Москву, ни в Санкт-Петербург прийти не смогут. Этот момент стоило бы воскресить на следующих наших встречах и специально подробно разобрать, потому что у нас пробел в понимании процессов капитализации регионов. С фирмами мы более или менее разобрались, учебники западные перевели, а с капитализацией регионов разбираемся очень плохо.

И наконец, еще одно предложение, которое здесь прозвучало - **соотнести экономическое или отраслевое развитие с этапами регионального роста**. Мы точно знаем, это учебники по этапам развития компаний уже переведены. Мы знаем, что если компания растет, то на каком-то этапе она обязательно должна выйти за границы своего старого ареала и начать распространяться. Этапы развития компании точно прописаны, можно взять любую модель. Кстати, наши соседи по границе из Упсальского университета создали такую модель для себя, когда решали вопрос о вписывание финской экономики в глобальную систему разделения труда и глобальных обменов, и точно знают, что компания доросла до какого-то размера, она выносит определенные подразделения за пределы страны. Когда мы обсуждаем рост Санкт-Петербурга, этот момент упускается. Я так понимаю, что компаний, претендующих на то, чтобы развивать значительную активность, в Санкт-Петербурге не так уж много. Стадии их развития, взяв любую западную модель и ничего не изобретая, тоже можно просмотреть. Понятно, распространением чего, какой инновационной или инвестиционной волны после этого станет Петербург, если только не предполагать, что высадятся инопланетяне и не создадут новые компании, которые в ускоренном порядке пройдут весь путь развития. На мой взгляд, абсолютно справедливо поставлен вопрос о том, чтобы развернуть

региональное развитие именно в таком ракурсе, связав его с развитием региональной экономики.

Спасибо.